

Ирина Игоревна Юкина

кандидат социологических наук, доцент,
заведующая кафедрой гендерных исследований
Невского института языка и культуры,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: irinayukina@gmail.com

**На пути к марксистскому феминизму.
Деятельность Александры Коллонтай**

Рассматривается малоизвестная деятельность Александры Михайловны Коллонтай, не только как революционерки, яркого политика молодой Советской республики, но и как основательницы марксистского направления феминистской мысли в России. Драматизм ситуации заключался в том, отрицая «буржуазный» феминизм и работая против феминистского движения как истинная революционерка и социал-демократка, Коллонтай одновременно с тем развивала марксистский феминизм, соединяя базовые идеи марксизма и феминизма.

Ключевые слова: капитализм, институт частной собственности, классовое неравенство, построение коммунизма, экономическая зависимость женщин, «женский вопрос», «новая женщина», русская социал-демократия, русский феминизм, буржуазный феминизм, сепаратизм женских организаций, женское рабочее движение, партийное руководство, государственная политика в отношении женщин, буржуазная семья, новая сексуальная мораль.

Александра Михайловна Коллонтай известна российской публике как революционерка и первая в истории женщина-посол. Между тем в зарубежной науке А. М. Коллонтай известна как феминистка, развивавшая теорию марксистского феминизма и пытавшая воплотить его идеи в жизнь¹.

Марксистский феминизм восходит к работам социалистов-утопистов Ш. Фурье, Р. Оуэна, к работам Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884) и А. Бебеля «Женщина и социализм» (1883). Марксистский феминизм строится на критике капитализма, на анализе классового, гендерного («полового» в терминологии тех лет) неравенства и институтов частной собственности. Он утверждает, что классовое неравенство является основной и первичной

¹ Porter, Cathy. Alexandra Kollontai: The Lonely Struggle of the Woman who Defied Lenin. (New York, 1980); Porter, Cathy. Alexandra Kollontai: A Biography. New York: Doubleday, 1980; Slaughter, Jane and Kern, Robert. European Women on the Left: Socialism, Feminism, and the Problems Faced by Political Women, 1880 to the Present. (London, 1981); Clements, Barbara Evans (1979). Bolshevik Feminist: The Life of Aleksandra Kollontai. Bloomington: Indiana University Press; de Haan, Francisca; Daskalova, Krasimira; Loutfi, Anna (2006). A Biographical Dictionary of Women's Movements and Feminisms: Central, Eastern and South Eastern Europe, 19th and 20th Centuries; Bobroff, Anne. "Alexandra Kollontai: Feminism, Workers' Democracy, and Internationalism," Radical America, vol. 13, no. 6 (Nov.-Dec. 1979), p. 50–75; Farnsworth, Beatrice. Aleksandra Kollontai: Socialism, Feminism and the Bolshevik Revolution. Palo Alto: Stanford University Press, 1980; Lilie, Stuart A. and John Riser. Four Socialist Reformers of Socialism: Alexandra Kollontai, Andrei Platonov, Robert Havemann, and Stefan Heym. Lewiston: Edwin Mellen Press, 2009; Christine Thomas, "For socialism and women's liberation," (Archived 2009-10-25) Socialism Today, March 2003.

формой социальных иерархий в обществе, а «половое» неравенство рассматривает как неизбежность, которая сопутствует капиталистической системе производства. Таким образом, капитализм порождает и классовое неравенство, и экономическую зависимость женщины от мужчины, которые могут исчезнуть только с исчезновением капитализма и классов.

К. Маркс анализировал положение пролетариата и борьбу классов вне «половой» специфики. Гендерной составляющей в его схеме анализа нет. Но его последователи встали перед лицом реальных проблем женщин-работниц. Труд и эксплуатация женщин, конкуренция мужчин и женщин на рынке труда, уровень оплаты, страхование и охрана женского труда, проблемы сочетания материнства и занятости и т. д. — вот основные темы, ставшие актуальными во второй половине XIX века.

Основной путь освобождения женщин марксизм прокладывал через социалистическую революцию и установление нового социалистического строя, так как при социализме будут устранены главные причины зависимого положения женщин — частная собственность и классовое неравенство. А так как причины эксплуатации и зависимости пролетариата и женщин совпадали, то и способ освобождения виделся единым — классовая борьба в составе рабочих организаций и под руководством рабочей партии. Участие женщин в классовой борьбе объявлялось дорогой к их освобождению.

А. Бебель, в развитие идей К. Маркса, видел эмансипацию женщин в освобождении от буржуазной собственности, «рабства в семье» и присоединении к борьбе пролетариата. Но, в отличие от русских марксистов, он соглашался с тем, что существует специфика эксплуатации женщин. Женщина эксплуатируется и как женщина, и как работница, — утверждал А. Бебель. Поэтому признавал наличие общих проблем и интересов у женщин разных классов и находил разумными доводы феминисток. Например, о двойной сексуальной морали как внеэкономической формы угнетения. Бебель придерживался того мнения, что феминистки и работницы могут «маршировать отдельно, но сражаться вместе», то есть могут сотрудничать в решении некоторых женских проблем.

В среде российской социал-демократии теоретического осмысления проблем женщин как отличной от пролетариата социальной группы не было. В попытках осмыслить женскую проблематику были очень сильны жесткие догматические установки. Российские социалисты обозначили эту проблематику как «женский вопрос», то есть один из множества социальных вопросов, нуждающихся в решении наряду с другими, но ни в коем случае не базовый вопрос. Такой подход был актуальным для русского феминизма.

Если для большевиков идеи Бебеля были слишком радикальны, то меньшевики относились к ним более лояльно. Последние признавали феминистское движение уже только по той причине, что объективно оно находилось в оппозиции существующему строю и работало против него. Поэтому меньшевички могли участвовать в деятельности феминистских организаций, и это не считалось страшным грехом.

«Женский вопрос» в российской социал-демократии разрабатывали Н. К. Крупская, И. Ф. Арманд, А. М. Коллонтай. Коллонтай первая обратила внимание на специфические проблемы работниц. Опасения, что пропагандистская и деятельностная активность феминисток увлечет работниц в феминистское движение и они будут потеряны для пролетарского движения, была не раз озвучена в ее статьях. Поэтому Александра Михайловна предприняла попытку организовать работниц,

создать женское пролетарское движение на основе марксистской идеологии. Ее активность, как и сам факт теоретической работы над женской темой, вызвал непонимание со стороны товарищей по партии и даже обвинение в «буржуазном феминизме».

Между тем Коллонтай вступила в диалог с активно развивающейся в России феминистской мыслью и вынужденно искала ответы на поставленные феминистками вопросы.

Вопрос о том, что есть основа социальной иерархии в обществе — классовое или гендерное неравенство, для нее не стоял. В марксизме главной угнетающей силой определялся капитализм и институт частной собственности, а изменение положения женщины напрямую связывалось с изменением положения рабочего класса и социального строя. Именно в таком ключе написана брошюра Н. К. Крупской «Женщина-работница» (1901). Мысль о том, что социалистический строй может нести в себе структурное неравенство и подавление интересов какой-либо группы трудящихся, даже не возникала.

Ответ на второй актуальный вопрос для российских феминисток: каким образом можно достичь равенства женщин и мужчин (или «проблема сходства-различия») — определялся марксистами и Коллонтай однозначно — через достижение «сходства». Это подтверждается тем фактом, что при разработке экономического обоснования «женского вопроса» путем экстраполяции положения пролетария в структуре общества на положение женщины привело к забвению марксизмом таких «немужских» функций женщины, как воспроизводство человека и поддержание домашней сферы. Нужно заметить, что российские феминистки увидели этот пробел и поставили его в свою повестку дня. Теоретический отдел Московского отделения Лиги равноправия женщин изучал и разрабатывал тему женского домашнего труда. А. М. пришлось заняться этой темой практически после Октябрьской революции. Теоретическая установка на достижение «сходства» мужчин и женщин воплотилась в политике «социализации быта», в которой Коллонтай приняла деятельное участие как идеолог, политик и практик.

Третьей установкой социал-демократов в отношении «женского вопроса» было отрицание коллективной женской идентичности и практики создания женских организаций. Сепаратизм женских организаций был признан явлением буржуазным и вредным. Пролетаркам предлагалось вести борьбу за женское освобождение в рабочих организациях под руководством пролетариата. Самодеятельный и самостоятельный характер женского движения отрицался. А. М. Коллонтай активно поддерживала эту установку и приложила немало сил для ее реализации. Она писала: «В те дни приходилось еще отстаивать ясное и сейчас уже неоспоримое для каждой сознательной работницы положение, что в обществе, основанном на классовых противоположностях, нет места единому женскому движению» (Коллонтай, 1920: 14).

На этих трех китах строилась идеология «женского рабочего движения», но отнюдь не марксистского феминизма. Движение работниц должно было базироваться именно на этих позициях — на признании женских проблем вторичными, на подчинении интересов работниц как социальной группы интересам пролетариата, на отрицании самодеятельности и самостоятельности женских организаций, на признании над собой партийного руководства и на отрицании феминизма. Идеология, выстроенная на такой базе, не могла иметь наступательного характера и быть ресурсом самостоятельного социального движения.

Разумеется, подобная позиция социал-демократов не способствовала диалогу и поиску теоретического консенсуса между социал-демократками и «равноправками» — так себя называли российские феминистки. Хотя попытки были. Например, 10 декабря 1907 года в зале Кружков по самообразованию состоялось собрание, на котором член Общества охраны прав женщин М. Л. Вахтина выступила с докладом «Мотивы, вызвавшие женское освободительное движение: ответ феминистки социал-демократкам». Вахтина и ее сторонницы говорили о роли «буржуазных» женщин в общем освободительном и женском движениях, социалистки о классовых интересах.

Гораздо чаще каждая из сторон организовывала собственные обсуждения «женского вопроса» — феминистки в своих организациях, социал-демократки на своих митингах. Например, митинг 23 февраля (8 марта) 1913 года под названием «Научное утро по женскому вопросу», посвященный дню солидарности работниц.

Тактикой социал-демократов в отношении феминистского движения стала его дискредитация. Инициатива принадлежала А. М. Коллонтай. Главное ее оружие — тезис о буржуазности движения. Термин «буржуазный феминизм» оказался политически очень успешным в борьбе с российскими равноправками. При всей кажущейся самоочевидности термина, он ничего не объяснял и стал политическим ярлыком, который социал-демократы «навесили» на своих конкурентов в борьбе за «женские массы».

Американская исследовательница российского женского движения Рошель Ратчилд (Rochelle Ruthchild) сделала блестящий анализ интерпретаций понятия «буржуазный» россиянами в начале XX века. По ее мнению, в России понятие «буржуазный», исходя из экономической перспективы, имело два значения. Во-первых, классовая принадлежность человека или его положение в обществе — мещане, горожане, торговцы, ремесленный люд, т. е. городской средний класс. Во-вторых, в марксистской перспективе — владельцы средств производства, получающих прибыль от чужого труда. С политической точки зрения, в дореволюционной России быть «буржуазным» означало быть «либералом», сторонником превращения России в конституционную демократию с всеобщим (обычно подразумевалось мужским) избирательным правом. «Вопрос о классовой принадлежности женщин усложнялся проблемой пересечения классовых характеристик с гендерными. Можно ли отнести женщину к тому же классу, что и ее мужа, брата или отца? Отличительной чертой угнетения женщин является то, что оно пресуперует границы их класса» (Ратчилд, 2002: 71).

Даже не отвлекаясь на рефлексию о пересечении гендерного и классового неравенств, российских равноправок трудно было определить как женщин буржуазного (в марксистском понимании) класса. В большинстве своем это были трудящиеся женщины среднего класса — женская интеллигенция, очень скромного достатка, работавшие на низкооплачиваемых «интеллигентных» должностях учительниц, фельдшерниц, городских врачей, журналисток, переводчиц, в отличие от самой А. М. Коллонтай — владелицы поместья в Черниговской губернии, оставленного ей в наследство любящим папенькой. В политическом плане русские феминистки выступали за развитие демократии в стране, многие придерживались просоциалистических взглядов. Но эти очевидные несоответствия не смущали Александру Коллонтай. Ее цель была определена логикой партийной борьбы. «Мы — грешные буржуазки», — иронично откликнулась на эти обвинения острая на язык равноправка А. А. Кальманович.

Жесткая классовая позиция в отношении феминизма позволила Коллонтай игнорировать очевидные несоответствия марксистской теории и реальности. Это было торжество догматического подхода. В своем докладе на Первом Всероссийском женском съезде (1908) Коллонтай предложила российским феминисткам действовать в рамках «буржуазного феминизма», то есть отстаивать интересы женщин своего класса и отойти от борьбы за права всех женщин (Коллонтай, 1909). В частности, в вопросе требования всеобщего избирательного права — острой политической проблемы того времени. Демократизм русского феминизма выбивался из классической схемы, а его практика диссонировала с утверждением А. М.: «Женский мир, как и мир мужской, разделен на два лагеря: один <...> примыкает к классам буржуазным, другой тесно связан с пролетариатом <...> Цель феминисток — возможно лучше устроить женщин <...> определенной социальной категории в современном эксплуататорском мире <...> Цель пролетарок — заменить старое антагонистическое классовое общество новым светлым храмом труда и братской солидарности» (Коллонтай, 1909: 799–800).

Драма заключалась в том, что избирательное право для женщин по формуле «всеобщее, равное, тайное, прямое, без различия пола, национальности, вероисповедания», которого добивались феминистские организации России с 1905 года, было безусловно поддержано лишь немецкими социал-демократками и оказалась слишком радикальным для австрийских, шведских и части английских социалисток. «Грешные русские буржуазки» легко взяли эту планку. Реальные стратегии феминистских организаций России не укладывались в прокрустово ложе марксистской теории, жизнь опрокидывала теоретические схемы. Широкие демократические установки русских равноправок, соотнесение своей деятельности с социалистической идеей, признание необходимости изменения социального строя и государственного устройства для решения базовых проблем российского общества и женщин как специфической социальной группы привели русских феминисток к тактике поддержания женщин низших социальных слоев — работниц и крестьянок. Они мостили единство и солидарность, в то время как социал-демократки его разбивали. Демократизм русского феминизма, политика солидарности с женщинами низших слоев общества, дебаты о единых общеженских интересах, подрывали идеологию социал-демократов в «женском вопросе», которая строилась на насаждении антагонизма между пролетарками и крестьянками, с одной стороны, и женщинами средних сословий и социальных классов — с другой.

Этот демократизм русских феминисток, их установки на отстаивание интересов женщин различных социальных слоев исходили не из какой-то особой революционности россиянок среднего класса. Ситуация определялась тем, что равноправки давно шли по пути последовательного выявления «женского» аспекта социальных проблем и видели многие вещи в другом, «неклассовом» свете. Во-вторых, в силу политики правительства, непоследовательные действия которого в решении женских проблем радикализировали движение, способствовали развитию солидарности его участниц. Лозунг «Слева опасности нет» равноправки донесли вплоть до первых преобразований Советской власти.

Это объясняет, почему равноправки поддержали все требования работниц на женском съезде в 1908 году, почему была принята главная резолюция съезда с требованием всеобщего (для всех категорий женщин) избирательного права по формуле «без различия пола, вероисповедания, национальности» и почему работницы, ориентированные

партийным руководством на разрыв с «барынями», долго не могли найти повода для демонстративного ухода со съезда. Это были досадные, выбивающиеся из схемы марксистского анализа факты, как и многие другие «нестыковки» марксистской интерпретации феминизма и реальной практики русского феминизма.

В 1908 году навстречу Первому Всероссийскому женскому съезду — крупнейшей феминистской акции, Коллонтай написала книгу «Социальные основы женского вопроса». Это была ее первая теоретическая работа по «женскому вопросу». Исследователи оценивают ее невысоко. По мнению Р. Ратчилд, книга представляет собой не столько исследовательский труд, сколько политический и антифеминистский памфлет (Ратчилд, 2002: 69). Р. Стайтс (*Richard Stites*) считает, что исторический и экономический анализ «женского вопроса» в книге дан крайне абстрактно, в русле Ф. Энгельса, А. Бебеля, К. Цеткин, что Коллонтай преувеличивала значение участия работниц в фабричных забастовках и нападала на феминисток (Стайтс, 2004: 582–583). Это ей было нужно для того, чтобы придать значимость своему проекту по созданию женского рабочего движения и опорочить реально существующее движение женщин среднего класса. При этом она не осуждала тех женщин, которые требовали права голоса для своей социальной группы «в рамках существующей структуры социальных классов» за их «невольные грезы», что «неизбежно вытекало из их классовой позиции» (Коллонтай, 1909). Ее гнев вызывали феминистки, которые выходили за определенные им марксистской теорией рамки и требовали избирательного права для всех россиян. Она высмеивала мечту равноправов о едином женском движении, выискивала скрытые цели в их деятельности, утверждая, что требование всеобщего избирательного права имеет одну единственную цель — заманить «бедных младших сестер» (работниц) в свои феминистские сети и отвлечь их от выполнения «классовой» миссии. Ссылаясь на Готскую программу, А. Коллонтай утверждала, что эмансипация пролетарки не может быть делом женщин всех классов, что цель эта может быть достигнута только общими усилиями пролетариата.

В книге «Общество и материнство» (1916) Коллонтай критиковала социальные условия материнства работниц, выдвигала идеи социальной защиты материнства через государственное страхование, оплачиваемые декретные отпуска и создание дошкольных учреждений. Эту тему феминистки также начали разрабатывать задолго до нее, и А. М. в значительной части воспроизводила многие сюжеты. Избежать влияния феминизма, его установок, интериоризированных ее средой и ею самой, она не могла, хотя и всячески открещивалась от этого влияния.

Таким образом, первые работы А. М. были не столько теоретическими, сколько агитационно-пропагандистскими. Но, тем не менее, перехватывая темы и дискурс у равноправов и следуя жестким установкам своей партии в «женском вопросе», она вводила эту проблему в партийную повестку.

Ее практическая деятельность была более успешна. В противовес феминистским клубам для прислуги и работниц А. М. Коллонтай создала Петербургский межфракционный клуб работниц под названием «Общество взаимопомощи работниц» (1907), организовывала митинги работниц в доме Нобеля (1907), подготовила группу работниц для участия в Первом Всероссийском женском съезде (1908). Это была попытка инициировать женское пролетарское движение «сверху» для достижения тактических и стратегических целей социал-демократической партии и рабочего движения.

Самодетельных организаций работниц еще не было, они стали появляться только в 1917 году. Главной причиной, препятствующей формированию самостоятельного пролетарского женского движения, явилась отсутствие его собственной идеологии, то есть концептуально организованной системы представлений, идей и ценностей с позиции определенной социальной группы — в данном случае работниц. Как уже говорилось, марксизм как идеология женского рабочего движения утверждал вторичность и вспомогательную роль работниц в процессе социальных изменений, постулировал руководящую роль пролетариата, в состав которого, конечно, входили женщины, но где они были представлены относительно недавно и находились в меньшинстве. Подобная идеология не могла служить ресурсом движения, не могла мобилизовать женщин на участие в нем, в то время как именно идеология определяет цель, тактику и акции движения, формирует его организационную структуру.

Согласно теории мобилизации ресурсов говорить о движении всерьез можно только тогда, когда оно имеет организационную основу и, развивая эту идею, можно утверждать, когда эту основу составляют самодетельные организации. В данном случае они отсутствовали, как и инициированные «снизу» коллективные действия. Возможно, в то время казалось, что внешних усилий со стороны какой-либо яркой личности достаточно, что бы создать движение. Создаваемые «сверху» женские рабочие организации с заданными вспомогательными и обслуживающими целями имели соответствующие структуры, соответствующий репертуар коллективных действий. Так, задача межфракционного клуба работниц (Общества взаимопомощи работниц) была определена Коллонтай как подготовка «женской силы» «для работы в партии и в классовых профессиональных союзах» (Коллонтай, 1920: 17). Коллонтай прямо заявляла, что женское рабочее движение находится в тени великой борьбы пролетариата. Это не была осознанная борьба за собственные права.

Женское рабочее движение представлялось руководству РСДРП(б) как подсобный инструмент в деле достижения своих целей. Коллонтай в ситуации очередной размолвки с большевиками жаловалась на гонения с их стороны по поводу ее попыток вызвать к жизни женское рабочее движение в России и на попытки большевиков забрать это движение в свои руки, когда оно им понадобилось в изменившихся условиях первой мировой войны². Перемена тактики большевиков была вызвана распространением среди европейских социалисток пацифистских настроений, которые не совпадали с ленинской установкой о превращении войны империалистической в войну гражданскую. Для продвижения ленинской идеи большевики создали в 1914 году журнал «Работница», который как орган российского женского рабочего движения должен был противостоять Международному женскому секретариату, стоящему на пацифистской позиции. Это была попытка манипулирования международным женским социалистическим движением через имитацию российского женского рабочего движения.

Вывод Дж. Чафитц и А. Дворкин (Chafetz, Dworkin, 1986) о том, что борьба женщин в рядах рабочего, социалистического, коммунистического движения была борьбой за права мужчин, более чем справедлив для России начала века.

Женское пролетарское движение начало оформляться зимой-весной 1917 года, когда работницы предприняли первые самостоятельные акции. Идеология женского

² РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Ед. хр. 318. Л. 19.

рабочего движения складывалась из стихийного соединения феминистских и марксистских идей, с опорой на поддержку феминистских и партийных организаций. Работницы крупных промышленных городов проявили сплоченность и политическую волю в событиях февраля 1917 года. При этом часть работниц безоговорочно стояла на большевистских позициях, отвергая идеи феминисток как «буржуазные», другие разделяли их. Но в любом случае предтечей женского движения работниц был русский либеральный феминизм, актуализировавший проблемы женщин. Существование женского рабочего движения оказалось ярким и кратковременным — оно в принципе не могло вписаться в новый социальный порядок. В самом начале 1930-х годов движение было ликвидировано «сверху», как выполнившее свою роль.

После октября 1917 года сложилась принципиально другая структура политических возможностей — реализация равноправия женщин была декларирована как государственная политика. Коллонтай вошла в первое советское правительство в качестве народного комиссара по государственному призрению. В то же время она была носителем феминистских идей, хотя и отрицала это. По мнению Т. Журженко, дискурс женской эмансипации и дискурс построения коммунизма драматически пересеклись в работах А. М. Коллонтай (Журженко, 2001: 78).

В этой новой политической ситуации пригодились многие наработки российских феминисток. Начиная с этого времени, можно говорить о соединении феминистских и марксистских теоретических установок и практик и о появлении в России марксистского феминизма. Лидером его стала А. М. Коллонтай.

Недолгая деятельность Коллонтай на посту наркома вылилась в проведение профеминистской государственной политики или политики государственного феминизма, то есть вопросы в отношении женщин ставились как приоритетные и государственные задачи. При Наркомате государственного призрения (с апреля 1918 года — Наркомат социального обеспечения) А. М. Коллонтай создала отдел по охране материнства и младенчества — Охранматмлад (31.12.1917), коллегия по охране и обеспечению материнства и младенчества. В целом политика государства первых лет Советской власти была направлена на отказ от регулирования семейных отношений и контроля над женщиной. Отмена церковного брака, введение гражданского брака, зарегистрированного в органах местной администрации, равные права супругов, право женщины оставлять в браке свою фамилию, признание «законными» всех детей, право на развод — все устанавливалось при самом непосредственном участии наркома А. М. Коллонтай.

После ухода с поста наркома она сосредоточилась на теоретическом осмыслении «женского вопроса» в условиях победившей социалистической революции. И сделала она это в развитие теории марксизма и феминизма.

В работах этого периода³ она обратилась к нерешенным проблемам русского феминизма: сексуальные, репродуктивные права женщин, освобождение женщины от ига патриархальной семьи — право женщин на развод, на аборт, на рождение ребенка вне брака (без социальных последствий). Она разработала эту группу прав по радикальному варианту, считая, что «в этой области было еще много лицемерия и несправедливости» (Коллонтай, 2003: 16). Ее идеи о равноправном партнерстве в

³ Коллонтай А. М. Дорогу крылатому Эросу // Молодая гвардия. 1923. № 3; Коллонтай А. М. Женщина на переломе. М.; Пг., 1923; Коллонтай А. М. Крест материнства // Коммунистка. 1921. № 8–9; Коллонтай А. М. Семья и коммунизм // Коммунистка. 1920. № 7 и др.

браке, о ценности сексуальных отношений в жизни женщины, о необязательности оформления брака, об освобождении женщин от быта, о делегировании материнских функций государству звучали очень радикально. Коллонтай сама признавала, что в вопросе новой сексуальной морали она была «самым радикальным крылом партии» и с ее идеями «горячо боролись многие товарищи по партии» (Коллонтай, 2003: 16).

Суть ее проекта женского освобождения, по мысли В. И. Успенской, состоял в том, чтобы в ситуации революционной ломки буржуазного строя избавиться при непосредственном участии самих женщин одним махом от тех структур, которые поддерживали «половое» неравенство. Направить революционный порыв женских масс на освобождение от патриархатных структур и норм общества — буржуазной семьи, морали, привязанности женщины к мужчине и к семье. Единственной обязанностью женщины было рожать детей и вскармливать их до яслей (Успенская, 2003: 26).

Она продолжила реализацию своих идей на посту заведующей женотделом при ЦК РКПб. И оказалась между двух огней плохо совместимых теоретических подходов — марксизма и феминизма — и двух взаимоисключающих практик — советского и партийного строительства и попыток вписать в этот процесс женскую составляющую. С одной стороны, она поддерживала установку своей партии, согласно которой массовое вовлечение женщин в общественное производство обеспечит решение «женского вопроса», и шла по пути «реализации равноправия женщины как единицы народного хозяйства и как гражданки в политической сфере, но с особым условием: материнство как социальная функция» (Коллонтай, 2003). Она призвала работниц и крестьянок отдать свой труд и употребить свои гражданские права на то, чтобы обеспечить в Советской России полную победу коммунизма. И писала, что силы, здоровье женщин нужно беречь для коллектива, поэтому поддерживала политику обобществления быта, которая как направление партийной работы была принята на VIII съезде партии (1919).

С другой стороны, Коллонтай пришла к выводу, что изменений в социальной структуре общества недостаточно для изменения отношений между мужчиной и женщиной, что должны произойти личностные изменения в женщинах и мужчинах. Коллонтай считала, что препятствием для женщины выступают культурные представления общества. Отсюда ее вывод, что культурная революция для женщин не может ограничиться лишь преодолением неграмотности, что она связана со сложным процессом изменений их представлений о самих себе, о своих правах, своих возможностях и своей ответственности. Другими словами, она обогатила теорию культурной революции включением в нее элементов теории сексуальной революции, такими новыми для марксизма понятиями, как «психология пола», «половая мораль». Она считала, что женщине предстоит проделать большую работу над собой, чтобы получить свои права и для того ей нужно отказаться от «типичных женских качеств», т. е. предлагала измениться по мужскому образцу. Коллонтай вернулась к идее «новой женщины», которую она впервые изложила в одноименной статье в 1913 года. Эта женщина была занята не только в общественном производстве, участвовала в политической деятельности, но и по-новому выстраивала свои сексуальные и семейные отношения. «Новая женщина» Коллонтай полностью совпадала с «новой женщиной» равноправок. В феминистском варианте «новая женщина» стремилась быть самостоятельной и независимой личностью, жить общечеловеческими интересами,

боролась за свои гражданские права, выступала против двойной сексуальной морали и отказывалась играть второстепенную роль в обществе. Известная феминистка и кадетка А. В. Тыркова, например, развивая эту тему, считала, что «новая женщина», должна бороться не только за свои политические и социальные права, но и за изменение морали, вырабатывать новый женский характер (Тыркова, 1909: 114). Также Тыркова призывала соратниц по движению работать над созданием общества, в котором женщины и мужчины были бы разными и равноценными членами общества, утверждала, что нужно готовить общественные условия и психологию, заставить понять и мужчин и женщин неизбежность и насущность равноправия (Тыркова, 1909). Расходилась Коллонтай с равноправками (да и то не со всеми) только в вопросе решения проблемы «сходство-различие».

Идеал «новой женщины» был воспринят в дореволюционной России, заработал он и в советской. В значительной степени этому способствовала женская коммунистическая пресса — журналы «Работница», «Крестьянка», «Делегатка», «Коммунистка», «Общественница» выходили огромными тиражами⁴, и на их страницах женщина недавних социальных низов предстала как субъект социальных действий и значимая участница грандиозных социальных процессов. В 1920-е годы «новая женщина» Коллонтай обогатилась идеей женщины — лидера в социалистическом строительстве. «Коллонтай предлагала революционному государству сделать ставку на женщину как привилегированного партнера при создании новых форм общежития, нового коммунистического уклада» (Айвазова, 1998: 72), к чему лидеры большевистской партии не были готовы. Они были склонны рассматривать женщин как культурно отсталую и обремененную предрассудками массу.

Теперь Коллонтай настаивала на самостоятельности женского движения. Это было продолжением феминистской традиции и плохо согласовывалось с генеральной линией партии, и чем дальше, тем сильнее обрисовывался этот разрыв.

Наступление на А. М. Коллонтай и ее идеи началось в 1923 году. После ее отъезда в почетную ссылку в Норвегию, появились статьи Б. Арватова «Гражданка Ахматова и товарищ Коллонтай», И. Лин «Эрос из Рогожско-Симоновского уезда», П. Виноградовой «Вопросы морали, пола, быта и тов. Коллонтай»⁵ и др., в которых ее идеи грубо дискредитировались.

Литература

Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1998. [Ayvazova S. G. Russkiye zhenshchiny v labirinte ravnoraviya. M., 1998].

Бebelь А. Женщина и социализм. М., 2011. [Bebel' A. Zhenshchina i sotsializm. M., 2011].

Журженко Т. Ю. Социальное воспроизводство и гендерная политика в Украине. Харьков, 2001 [Zhurzhenko T. Yu. Sotsial'noye vosproizvodstvo i gendernaya politika v Ukraine. Khar'kov. 2001].

Коллонтай А. М. Женщины-работницы в современном обществе // Труды Первого Всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в Санкт-Петербурге, 10–16 декабря 1908 г. СПб., 1909. [Kollontay A. M. Zhenshchiny — rabotnitsy v sovremennom obshchestve // Trudy Pervogo Vserossiyskogo zhenskogo s'yezda pri Russkom zhenskom obshchestve v Sankt-Peterburge, 10–16 dekabrya 1908 goda. SPb., 1909].

⁴ Тираж «Работницы» с 10 тыс. в 1923 г. вырос до 329 тыс. в 1930 г.

⁵ Молодая гвардия. 1923. № 2, № 4; Красная новь. 1923. № 6.

Коллонтай А. М. Из моей жизни и работы. М. 1974 [*Kollontay A. M.* Iz moyey zhizni i raboty. M. 1974].

Коллонтай А. М. К истории движения работниц в России. Харьков, 1920 [*Kollontay A. M.* K istorii dvizheniya rabotnits v Rossii. Khar'kov. 1920].

Коллонтай А. М. Автобиография сексуально эмансипированной коммунистки // Марксистский феминизм: Коллекция текстов Александры Коллонтай. Тверь, 2003. [*Kollontay A. M.* Avtobiografiya seksual'no emansipirovannoy kommunistki // Marksistskiy feminizm: Kolleksiya tekstov Aleksandry Kollontay. Tver', 2003].

Ратчилд Р. Возвращение женской истории: пол, класс и феминизм в дореволюционной России // Гендерные истории Восточной Европы. Минск, 2002. [*Ratchild R.* Vozvrashcheniye zhenskoy istorii: pol, klass i feminizm v dorevolutsionnoy Rossii // Gendernyye istorii Vostochnoy Yevropy. Minsk, 2002].

Стайтс Р. «Социальные основы женского вопроса» А. М. Коллонтай // Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М., 2004. [*Stayts R.* «Sotsial'nyye osnovy zhenskogo voprosa» A. M. Kollontay // Zhenskoye osvoboditel'noye dvizheniye v Rossii. Feminizm, nigilizm i bol'shevizm. 1860–1930. M., 2004].

Тыркова А. В. Первые шаги. Первый Всероссийский женский съезд // Новый журнал для всех. 1909. № 3. [*Tyrkova A. V.* Pervyye shagi. Pervyy Vserossiyskiy zhenskiy s'yezd // Novyy zhurnal dlya vseh. 1909. № 3].

Успенская В. И. Радикальный проект женской эмансипации Александры Коллонтай // Александра Коллонтай: теория женской эмансипации в контексте российской гендерной политики. Тверь, 2003. [*Uspenskaya V. I.* Radikal'nyy proyekt zhenskoy emansipatsii Aleksandry Kollontay // Aleksandra Kollontay: teoriya zhenskoy emansipatsii v kontekste rossiyskoy gendernoy politiki. Tver', 2003].

Chafetz J. and Dworkin A. Female Revolt // Women's Movement in World and Historical Perspective. University of Houston, 1986.

Towards a Marxist feminism: activity of Alexandra Kollontai

IRINA I. IUKINA

PhD in Sociology, Associate Professor,
Chair of the Department of Gender Studies,
Nevsky Institute of Language and Culture, St Petersburg, Russia,
e-mail: irinayukina@gmail.com

The article considers an almost unknown activity of Alexandra Kollontai in Russian science as an establisher of Marxist feminist thought in Russia. The drama of the situation was that denying the “bourgeois” feminism and working against the Russian feminist’s movement as a true Social-Democrat, Kollontai at the same time developed Marxist feminism, combining the basic ideas of Marxism and Feminism.

Keywords: capitalism, institution of private property, class inequality, building of communism, economical dependence on women, “women’s question”, “new woman,” Russian Social-Democracy, Russian feminism, bourgeois feminism, separatism of women’s organizations, women’s labor movement, communist party’s leadership, government policy on women, bourgeois family, a new sexual morality.